



Г У
Б Е Р
М А Н

Шестой
иерусалимский дневник

Игорь Миронович Губерман Шестой иерусалимский дневник (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3091685

*Игорь Губерман. Шестой иерусалимский дневник: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32676-1, 978-5-699-32677-8*

Аннотация

В сборник вошли стихотворения известного поэта Игоря Губермана.

Содержание

Разговор Ангела-Хранителя с лирическим героем в день семидесятилетия автора	5
Заметки с дороги	10
Шестой иерусалимский дневник	25
Часть первая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Игорь Губерман

Шестой иерусалимский дневник

*Я с русской речью так повязан,
любя её ручьи и реки,
что я по трём порою фразам
судить могу о человеке.*

В оформлении книги использованы наскальные рисунки древних евреев



Разговор Ангела-Хранителя с лирическим героем в день семидесятилетия автора

Герой: Я бабник, пьяница, повеса,
я никаких святынь не чту,
мой автор вылепил балбеса,
чтоб утолить свою мечту.
А ты? Зачем и почему
ты здесь торчишь, судьбу ругая?

Ангел: Меня назначили к нему,
меня тошнит от разъебая.

Герой: А я живу не без приятства,
его лирический герой, —
всё время пьянки, много блядства,
и философствую порой.

Ангел: А я к нему приставлен свыше,
чтоб дольше жил на свете он —
забавно Богу то, что пишет
болтливый этот мудозвон.

Герой: Однако пишет он давно,
поэт известный, муз любимец...

Ангел: Да не поэт он, а гавно,
мошенник, плут и проходимец!
В поэтах есть парфюм эпохи,
у них мечтания и звуки,
поэт рождает в людях вздохи,
а мой дурак – смешки и пуки.

Герой: Однако жулику и жоху —
зачем Господь дал певчий дух?

Ангел: Его клюёт всё время в жопу
на мыслях жареный петух.
Его Сибирь не охладила,
опять бумагу стал марать
и снова принялся, мудила,
херню с помоек собирать.

Герой: Оставим дурь его в покое,
один интимный есть момент...

Ангел: Писать о женщинах такое
способен только импотент!

Герой: На импотента баба злится,
и сразу видно – отчего...

Ангел: Она всё терпит, ангелица,
она святая у него!

Герой: Но говорят, он весельчак,
его гостей от смеха пучит...

Ангел: В уборной сядет на стульчак
и там чужие шутки учит.

А днём читает и лежит,
бранит евреев, если жарко...
Нет, он пока ещё мужик...

Герой: Дай Бог, а то ведь бабу жалко.
Но так хулить его нельзя,
твои сужденья угловаты,
его ведь любят все друзья...

Ангел: Да все они мудаковаты.

Герой: А утром он задумчив, тих?

Ангел: И вялый, будто инвалид.

Герой: Наверно, пишет новый стих...

Ангел: Или желудок барахлит.

Чужой придёт и не заметит
его присутствие в квартире:
он до обеда – в кабинете,
потом до ужина – в сортире.
А утром ест угрюмо кашку,
сопит, как десять хомяков...

Герой: Постой, так ты про старикашку!

А молодой он был каков?

Ангел: Да я с небес недавно спущенный,

и мне уже нехорошо,
а все коллеги предыдущие —
кто спился, кто с ума сошёл.

Недолго ангелы-хранители
могли прожить при этом падле,
теперь больниц небесных жители,
да только вылетятся вряд ли.

Герой: Сейчас я выпить нам найду,

мне жребий твой прозрачно ясен,
ты, ангел мой, попал в беду,
старик ещё весьма опасен.

Ангел: Да! То лежит, как пень-колода,
то захучит, как трамвай,
а я мечусь, ища уroda...

Герой: Так пить не будешь?

Ангел: Наливай!

Заметки с дороги

Умом Россию не спасти,
она уму не отворается,
в ней куры начали нести
крутые яйца.

1

Месяц ездил я в лязге и хрусте
по струенью стальной колеи,
и пространство пронзительной грусти
остужало надежды мои.

2

В чаду российских лихолетий,
когда людей расчеловечили,
то их отнюдь не только плети,
но больше пряники увечили.

3

Ездил по российским я просторам,
пил и ел вагонные обеды,
я путями ехал, по которым
ехали на смерть отцы и деды.

4

Умельцы на российском карнавале
то с шиком, то втихую за углом
торгуют, как и прежде торговали, —
духовностью и старым барахлом.

5

В российской протекающей истории
с её периодической провальностью
тем лучше воплощаются теории,
чем хуже они связаны с реальностью.

6

И те, что сидели, и те, что сажали,
хотя и глаза у них были, и уши, —
как Бога-отца, горячо обожали
того, кто калечил их жизни и души.

7

Мечте сплотить народ и власть
в России холодно и тяжело,
поскольку меньше врать и красть
никак не может власть-бедняжка.

8

С поры кафтанов и лаптей

жива традиция в отчизне:
Россия ест своих детей,
чтобы не мучались от жизни.
9

В сегодняшней России есть пустяк,
типичный для империи востока:
величие вошло тут на костях,
а кости убиенных мстят жестоко.
10

Тот факт, что нас Россия не схарчила,
не высушила в лагерную пыль,
по пьянке на глушняк не замочила, —
изрядно фантастическая быль.
11

Напрасность всех попыток и усилий
наметить нечто ясное и путное —
похоже, не случайна, и России
полезней и нужнее время смутное.
12

Варяги, печенег и хазары,
умелые в торговом ремесле,
захватывают русские базары

и дико умножаются в числе.

13

Орать налево и направо
о пришлых лиц переполнении —
извечно русская забава
в исконно хамском исполнении.

14

Что у России нет идеи,
на чём воспитывать внучат,
весьма виновны иудеи,
что затаились и молчат.

15

Всё невпопад и наобум,
по всей Руси гуляет нелюдь,
а в людях совесть, честь и ум
живут, как щука, рак и лебедь.

16

Россия – это всё же царство,
свободный дух пылится зря,
а вольнодумное бунтарство —
лишь поиск доброго царя.

17

Тянет русского туриста
полежать на солнце жарящем,
потому что стало мглисто
у начальства под седалищем.

18

Думаю, что в нынешней России
вовсе не исчезла благодать:
Божий дух витает, но бессилен
с мерзостью и мразью совладать.

19

Мне кажется, покорное терпение —
не лучшая особенность народа:
сперва оно приводит в отупение,
а после – вырождается порода.

20

Я отродясь локтей не грыз,
я трезвый оптимист,
сейчас в России время крыс,
но близок и флейтист.

21

А если Русь растормошит

герой, по младости курчавый,
она расстроится, что – жид,
и в сон вернётся величавый.
22

Как патриотов понимать?
Уж больно с логикой негладко:
ведь если им Россия – мать,
то красть у матери? Загадка.
23

Евреи так укоренились,
вольясь в судьбу Руси затейную,
что матерятся, обленились
и пьют любую дрянь питейную.
24

Жили мы в потёмках недоумия,
с радостью дыша самообманом,
нас поила ленинская мумия
дивным, если вдуматься, дурманом.
25

Причина имперского краха
проста, как букварная строчка:
лишённая обручей страха,

распалась державная бочка.

26

Россия – страна многоликая,
в ней море людей даровитых,
она ещё столь же великая
по части семян ядовитых.

27

Любовь к России без взаимности —
весьма еврейское страдание,
но нет уже былой активности,
и хворь пошла на увядание.

28



Гармонь, сарафан и берёза,
а с ветки – поёт соловей;
всей роскоши этой угроза —
незримый повсюдный еврей.

Иные на Руси цветут соцветия,
повсюду перемены и новации,
а я – из очень прошлого столетия,
по сути, – из другой цивилизации.
30

Где сотни взыгравших козлов
гуляют с утра до потёмок,
там сотни дичайших узлов
распутывать будет потомок.
31

Бурлит не хаотически тусовка:
незримая случайным попрошайкам,
активно протекает расфасовка
по гильдиям, сословиям и шайкам.
32

Всё это было бы не грустно,
когда бы не было так гнусно.
33

Народа российского горе
с уже незапамятных пор —

что пишет он «хуй» на заборе,
ещё не построив забор.

34

Мне кажется, российская земля,
ещё не отойдя от мерзлоты,
сучает без конвоя, патруля
и всяческой надзорной сволоты.

35

Когда б еврей умел порхать,
фонтан пустив, уйти под воду
или в саду благоухать —
любезен был бы он народу.

36

Россию всё же любит Бог:
в ней гены живости упорны,
а там, где Хармс явиться мог,
абсурд и хаос жизнетворны.

37

Переживя свободы шок,
Россия вновь душой окрепла,
согрела серый порошок,
и Феликс вмиг восстал из пепла.

Когда надвигается темень
и тонут мечты в окаянстве,
убийц полустёртые тени
маячат в затихшем пространстве.

39

Нет подобного в мире явления,
и диковинней нет ничего:
власть российская – враг населения
и без устали морит его.

40

Люблю Россию чувством непонятым:
с угрюмым за дела её стыдом,
брезгливостью к её родимым пятнам
и болью за испакощенный дом.

41

Владеет мыслями моими
недоумённая досада:
народы сами править ими
зовут питомцев зоосада.

42

Россия как ни переменчива,
а злоба прежняя кругом,
Россия горестно повенчана
с несуществующим врагом.

43

Чем темней и пасмурней закаты
гносно увядающих эпох,
тем оптимистичнее плакаты
о большой удаче в ловле блох.

44

Свободы дивный фейерверк
не зря взрывается над нами,
и пусть огонь уже померк,
но искры теплятся годами.

45

У всех вождей Руси увеселением,
и творчеством у всех до одного —
была война с российским населением
во имя вразумления его.

46

В России не закончилась эпоха
предательства и рабского молчания,

порой ещё кричат, но слышно плохо,
а громко – лишь согласное мычание.

47

В России нынче правят бал торжественный
три личности: подонок, лгун и вор,
и царственно свирепствует естественный,
но противоестественный отбор.

48

Мне кажется – куда я взгляд ни кину —
фортуна так Россию подвела
в отместку, что икону и дубину
строгали здесь из общего ствола.

49

Чтобы долю горемычную
без печали принимать,
укрепляют люди личную
веру в Бога, душу, мать.

50

Всегда евреи за свободу
стояли твердо – с целью вредной
внедрять отраву, гнусь и шкodu
в невинный дух России бедной.

Стирается на время если грань —
условия, критерии, барьеры, —
то сразу же немислимая срань
стремительные делает карьеры.

52

С российским начальством контакты
похожи в любой из моментов
на очень интимные акты,
где женская роль – у клиентов.

53

Бессильные кремлёвские призывы
припасть к патриотизму как опоре
напрасны, как натужные позывы,
томящие страдальца при запоре.

54

Какую бы ни гнали мы волну,
каких ни сочинили наворотов,
никак не скрыть еврейскую вину
в бездарности российских патриотов.

55

Кого я ни припомню, все подряд
убийцы – в унисон, как на заказ, —
твердили, что не знали, что творят,
и плакали, что был такой приказ.

56

Трепеща, как осиновый лист,
и проходим кивая приветно,
по России бредёт сионист
и евреев зовёт безответно.

57

От юных кудрей и до тягостной
сенильной поры облысения
висит над евреями сладостный
и вязкий соблазн обрусения.

58

Такая в ней мечта и пластика,
что, ни за что не извиняясь,
опять вернулась к жизни свастика,
по месту видоизменяясь.

59

Пишу я о России без лукавства
и выстудив душевное смятение:

повсюдное цветение мерзавства —
кошмарное, но всё-таки цветение.

60

Светлы юнцов тугие лица
с печатью сметки и проворности,
и так духовность в них дымится,
что явно требует соборности.

61

России вновь не повезло,
никто не ждал такой напасти:
разнокалиберное зло
опять взошло к вершине власти.

62

Мне боль несёт российской жизни эхо,
с ожоговым стыдом наполовину;
похоже, из России я уехал,
не смогши перерезать пуповину.

63

Шестой иерусалимский дневник

Часть первая

В любой мелькающей эпохе,
везде стуча о стену лбами,
мы были фраеры и лохи,
однако не были жлобами.

1

Не то чтобы печален я и грустен,
а просто стали мысли несуразны:
мир личности настолько захолустен,
что скукой рождены его соблазны.

2

Реальность этой жизни так паскудна,
что рвётся, изнывая, на куски
душа моя, слепившаяся скудно
из жалости, тревоги и тоски.

3

Свободно я орудую ключом
к пустому головы моей сосуду:

едва решу не думать ни о чём,
как тут же лезут мысли отовсюду.

4

Накалялся до кровопролития
вечный спор, существует ли Бог,
но божественность акта соития
атеист опровергнуть не мог.

5

Мессия вида исполинского
сойдёт на горы и долины,
когда на свадьбе папы римского
раввин откушает свинины.

6

Я и откликнувшийся Бог —
вот пара дивных собеседников,
но наш возможный диалог
зашумлен воплями посредников.

7

Все мы перед Богом ходим голыми,
а пастух – следит за организмами:
счастье дарит редкими уколами,
а печали – длительными клизмами.

Людей ничуть я не виню
за удивительное свойство —
плести пугливую хуйню
вокруг любого беспокойства.

9

Мне стены комнаты тесны,
сегодня в путь я уложусь,
а завтра встречу три сосны
и в них охотно заблужусь.

10

Ушли мечты, погасли грёзы,
усохла роль в житейской драме,
но как и прежде, рифма «розы»
меня тревожит вечерами.

11

С утра душа моя взъерошена,
и, чтоб шуршанье улеглось,
я вспоминаю, что хорошего
вчера мне в жизни удалось.

12

Нашёл я для игры себе поляну,
играю с интересом и без фальши:
в далёких городах, куда ни гляну, —
я думаю о тех, кто жил тут раньше.

13

Душа моя однажды переселится
в застенчивого тихого стыдливца,
и сушая случится с ним безделица —
он будет выпивать и материться.

14

Истории слепые катаклизмы,
хотя следить за ними интересно,
весьма калечат наши организмы —
душевно даже больше, чем телесно.

15

Так часто под загадочностью сфинкса —
в предчувствии, томительном и сладком, —
являлись мне бездушие и свинство,
что стал я подозрителен к загадкам.

16

В дому моих воспоминаний
нигде — с подвала по чердак —

нет ни терзаний, ни стенаний,
так был безоблачен мурак.

17

Я ободрял интеллигенцию,
как песней взбадривают воинство,
я сочинял им индульгенцию
на сохранение достоинства.

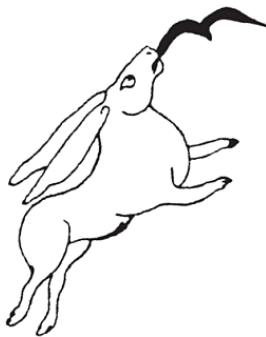
18

Живу не в тоске и рыдании,
а даже почти хорошо,
я кайфа ищу в увядании,
но что-то пока не нашёл.

19

А на зовы прелестного искусства
я с отмеченных возрастом пор
то смотрю с отчуждением искоса,
то и вовсе – не вижу в упор.

20



Забавно мне: среди ровесников
по ходу мыслей их таинственных —
полно пугливых буревестников
и туча кроликов воинственных.
21

Он оставался ловелас,
когда весь пыл уже пропал,
он клал на девку мутный глаз
и тут же сидя засыпал.
22

Кто верил истово и честно,
в конце концов, на ложь ощерясь,
почти всегда и повсеместно
впадал в какую-нибудь ересь.
23

Я мучу всех и гибну сам
под распорядок и режим:
не в силах жить я по часам,
особенно – чужим.

24

Я на сугубо личном случае
имею смелость утверждать,
что бытия благополучие
в душе не селит благодать.

25

С судьбой не то чтоб я дружил,
но глаз её всегда был точен:
в её побоях (заслужил)
ни разу не было пощёчин.

26

Благодарю, благоговея, —
за смех, за грусть, за свет в окне —
того безвестного еврея,
душа которого во мне.

27

Ко мне стишки вернулись сами,

чем я тайком весьма горжусь:
мой автор, скрытый небесами,
решил, что я ещё гожусь.

28

Забавно мне моё еврейство
как разных суетей совмещение:
игра, привычка, лицедейство,
и редко – самоощущение.

29

Всё в мире любопытно и забавно,
порой понятно, чаще – не вполне,
а замыслы Творца уж и подавно —
чем дальше, тем загадочнее мне.

30

В жестоких эпохах весьма благотворным
я вижу (в утеху за муки),
что белое – белым, а чёрное – чёрным
узрят равнодушные внуки.

31

Все темы в наших разговорах
кипят заведомым пристрастием,
и победить в застольных спорах

возможно только неучастием.

32

Сегодня старый сон меня тревожил,

обидой отравив ночной уют:

я умер, но довольно скоро ожил,

а близкие меня не узнают.

33

Я на гастролях – в роли попугая,

хотя иные вес и габарит:

вот новый город, публика другая,

и попка увлечённо говорит.

34

Наше бытовое трепыхание

зря мы свысока браним за водкой,

это благородное дыхание

жизни нашей, зыбкой и короткой.

35

А премий – ряд бесчисленный,

но я не награждаем:

мой голос легкомысленный

никем не уважаем.

36

Весьма в ходу сейчас эрзацы —
любви, привязанности, чести,
чем умножаются мерзавцы,
легко клубящиеся вместе.

37

К долгой славе сделал я шажок,
очень хитрый (ибо не дебил):
новые стихи я с понтом сжѐг,
и про это всюду раструбил.

38

Сопит надежда в кулачке,
приборы шкалит на грозу;
забавно жить на пяточке,
который всем – бельмо в глазу.

39

Кто много ездил, скажет честно
и подтвердит, пускай беззвучно,
что на планете нету места,
где и надёжно, и не скучно.

40

Когда, восторжен и неистов,

я грею строчку до кипения,
то на обрез попутных смыслов
нет у меня уже терпения.

41

Моя задорная трепливость —
костюм публичности и членства,
а молчаливость и сонливость —
халат домашнего блаженства.

42

Так редок час душевного прилива,
ласкающего старческую сушь,
что я минуты эти торопливо
использую на письменную чушь.

43

Пока живу, звучит во мне струна —
мучительная, жалобная, лестная;
увы, есть похоть творчества – она
живучей, чем сестра её телесная.

44

Шушера, шваль, шантрапа со шпаной —
каждый, однако, с пыльцой дарования —
шляются в памяти смутной толпой

из неразборчивых лет созревания.

45

С утра весь день хожу смурной,
тоской дыханье пропиталось,
как будто видел сон дурной,
и ощущение – осталось.

46

Движение по небу облаков,
какая станет баба кем беременна,
внезапную активность мудаков —
Создатель расчисляет одновременно.

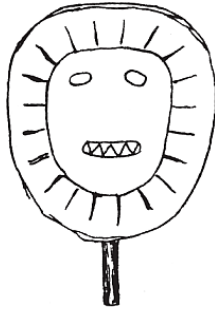
47

Скоморошество, фиглярство,
клоунада, шутовство —
мастерства живое царство
и свободы торжество.

48

Пространство жизни нами сужено
(опаска, сытость, нет порыва),
а фарта тёмная жемчужина
всегда гнездится у обрыва.

49



Кто светел, чист и непорочен,
исполнен принципов тугих,
обычно тяжко заморочен
мечтой улучшить и других.
50

С утра умылся, выпил кофе
и обвололся дымом серым;
к любой готов я катастрофе,
любым распахнут я химерам.
51

В какой ни скроемся пещере,
пока лихие годы минут,
лихое время сыщет щели,
через которые нас вынут.
52

Конторское в бумагах копошение
и снулая семейная кровать —
великое рождают искушение
чего-нибудь поджечь или взорвать.

53

Когда мы жалуемся, хныча,
мы – бесов лёгкая добыча.

54

Свобода, красота и справедливость
не зря одушевляли нас веками,
мне только неприятна их плешивость
от лапания подлыми руками.

55

Где плоти воздаётся уважение,
и духу достаётся убажение.

56

По жизни всей отпетый грешник
и всехних слабостей свидетель,
отменный быть я мог насмешник,
но я – печальник и жалетель.

57

Дивным фактом, что, канув во тьму,
мы в иных обретаемся куцах,
не случилось пока никому
достоверно утешить живущих.

58

Взойдёт огонь большой войны,
взыграет бойня дикая,
по чувствам каждой стороны —
святая и великая.

59

Где теперь болтуны и задиры,
посылавшие времени вызов?
Занимают надолго сортиры
и дремотно глядят в телевизор.

60

Жестокость жизни беспредельна,
слезу не грех смахнуть украдкой,
а вместе с этим нераздельно —
блаженство пьесы этой краткой.

61

В пространстве духа тьмой кустисты

углы за светлыми дворами,
там оборотни-гуманисты
стоят обычно с топорами.

62

Пока наш век неслышно тает,
душа – болит, а дух – витает.

63

Похоже, я немного раздвоился,
при этом не во сне, а наяву:
я тот люблю дурдом, где я родился,
и тот люблю дурдом, где я живу.

64

По виду несходства раздор наш понятен,
и зряшны резоны цветистые:
за грязные руки он мне неприятен,
а я ему мерзок – за чистые.

65

Безжалостно двуногое создание,
и если изнутри, не напоказ
в душе у нас родится сострадание —
то кто-то им одаривает нас.

66

Со склона круче понесло,
теперь нужны и ум, и чувства,
поскольку старость – ремесло
с изрядной порцией искусства.

67

У жизни остаются наслаждения:
ещё перо в чернила я макаю,
и праздные леплю свои суждения,
и слабостям посильно потокаю.

68

Мы вместе пили, спорили, курили,
и в радости встречались, и в печали...
Недообщались, недоговорили
и просто мало рядом помолчали.

69

Укрыть себя, прильнуть и слиться,
деля душевность и уют, —
как мы везде хотим! Но лица
нас беспощадно выдают.

70

Увы, когда покинула потенция,

её не заменяет элоквенция.

71

Когда бы вдруг вернуть я смог
то, что терял или пропил,
то царской выделки чертог
я б даже с мебелью купил.

72

Есть мысли – очень часто из известных,
несущие заметные следы,
настолько отпечатались на текстах
их авторов чугунные зады.

73

Мне кажется, в устройство мироздания,
где многому Творец расчислил норму,
заранее заложены страдания,
а время в них меняет вид и форму.

74

Повеял тёмным и нездешним
летучий шепот мысли грешной,
но дуновением не внешним,
а из душевной тьмы крошечной.

75

В повадке, мимике и жесте,
а также в умственной наличности
всегда есть сведенья о месте,
где место этой милой личности.

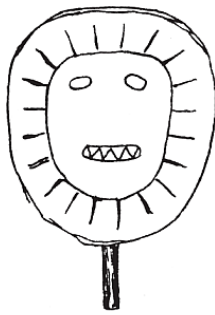
76

Я много раз давал зарок
являть недвижимую солидность,
но верю я – наступит срок,
её придаст мне инвалидность.

77

Из массы зрительных явлений
люблю я девок на экране:
игра их нежных сочленений
бодрит меня, как соль на ране.

78



По жизни моё достижение —
умение вмиг и заранее
надеть на лицо выражение,
пристойное духу собрания.
79

Витиевато, вяло, выпренно,
косноязыча суть и слово,
пытался высказать я искренно,
как дивно всё и как хуёво.
80

Время сыплет медленный песок,
будущим заведуют гадалки,
муза Клио катит колесо
и сама в него вставляет палки.
81

Если в мыслях разброд и шатание —
значит, выпивкой скудно питание.

82

Совсем уже бедняга – не герой,
а выглядел когда-то победительно,
кого-то ещё трахает порой,
однако же, не очень убедительно.

83

Нас не тянет в неведомый рай,
наша участь и тут не бедна:
всё, что нам наливают по край,
мы легко выпиваем до дна.

84

Играет крупно Сатана,
спустившийся с небес:
часть жизни Богом нам дана,
а часть нам дарит бес.

85

Нелепо – сразу от порога
судить и предопределять:
чем нынче строже недотрога,
тем послезавтра круче блядь.

Цветы прельстительного зла
обычно так однообразны,
что только пыльного козла
влекут их жухлые соблазны.
87

Хотя я в меру разума и сил
судьбу свою клонил к увеселению,
у Бога я подачек не просил,
а сам Он не давал их, к сожалению.
88

Кому-то являясь то быдлом, то сбродом,
надежды вселяя в кого-то,
народ очень редко бывает народом,
он чаще – толпа и болото.
89

В утопшей Атлантиде мне таинственно,
что если бы и впрямь она была,
её бы помянули многолиственно
еврейские торговые дела.
90

Мы часто в чаяньях заветных
нуждаемся в совете Божьем,
но знаков от него ответных
постичь не можем.

91

Как волк матёрый на ягнят
взирает издали из леса,
на наших шумных жиденят
тепло глядят глаза прогресса.

92

Ни разу я за жизнь мою
не помню злобного порыва
и гнева мутного,
пускай враги мои в раю
сто лет поют без перерыва,
даже минутного.

93

Себя трудом я не морочу,
высокий образ не леплю,
и сплю охотно днём. А ночью
весьма охотно тоже сплю.

94

Течение жизни нашей плавное
благодаря скупым мыслишкам
приобрело журчанье славное:
нам ничего не надо слишком.
95

По жизни дороги окольные,
изгойства надменные корчи
и тёмные мысли подпольные —
рассудка блаженные порчи.
96

Уча Талмуд, евреи стрёмные
наглеют в ходе обучения
и Богу шлют не просьбы скромные,
а деловые поручения.
97

Прочёл я море умных книг
(хотя люблю я – ахинею),
ни на секунду не возник
во мне восторг, что я умнею.
98

Сегодня с мудаками на обеде я
сидел невозмутимо и спокойно;

достоинство участника трагедии —
в умении вести себя достойно.
99

Мне кажется давным уже давно,
и мне от понимания приятно:
мы вставлены в какое-то кино,
а кто его снимает – непонятно.
100

Мы затем и склонны к окаянству
дёргаться, лететь куда-то страстно,
что, перемещаясь по пространству,
время проживаем не напрасно.
101

Чего-то кажется мне, Господи,
(сужу я зряче, без поспешности),
что рай – большой недолгий госпиталь
по излечению безгрешности.
102

По городской живя погоде,
набит повадкой городской,
я отношусь к живой природе
с почтеньем, тактом и тоской.

Бумагу, девственно пустую,
не зря держу я под рукой,
сейчас я чушь по ней густую
пущу рифмованной строкой.

104

Когда-то мчался на рысях
я на своих на двух;
теперь едва плетусь – иссяк
и в них задора дух.

105

Что делать с обузданием урода?
Плюя на все укоры и сентенции,
еврей, потенциальный враг народа,
ничуть не расположен к импотенции.

106



Подземные гулы и громы
слышнее душе на закате,
Харон уже строит паромы,
ему его лодки – не хватит.

107

Мы понимали плохо смолоду,
что зря удача не является:
кто держит Господа за бороду,
тот держит дьявола за яйца.

108

Вполне, конечно, молодость права,
что помнить об ушедших нет обычая,
но даже загулявшая вдова —
и та порою плачет для приличия.

109

Когда я был совсем бедняк —
а так оно порой бывало,
то всё же не было и дня,
чтоб я не выпил мало-мало.

110

Поэты разных уровней, ступеней
и звучностей – в одном ужасно схожи:

пронзительность последних песнопений
морозом отзывается по коже.

111

Святые книги умолчали
о важной вещи:
и в малой мудрости
печали —
ничуть не меньше.

112

Есть почему-то чувство кражи,
когда разносится слушок
о медицинской запродаже
печёнок, почек и кишок.

113

В любом горемычном событии
со временем блекнет основа:
его вспоминая в подпитии,
находишь немало смешного.

114

То на душе как будто гири,
то вдруг опять она легка —
везде тоска в подлунном мире

течёт сквозь нас, как облака.

115

Беженец, пришлый, чужак —
могут прижиться в народе,
только до смерти свежа
память у них об исходе.

116

Так безумна всеобщая спешка,
словно жизни лежат на весах,
и незримая Божья усмешка
над кишеньем висит в небесах.

117

Я главным образом от жажды
страдал десятки дивных лет,
я заливал её многожды,
но утоленья нет как нет.

118

Когда сидит гавна мешок
и смачно сеет просвещение,
я нюхом чувствую душок
и покидаю помещение.

119

Российский нецензурный лексикон —
великое богатство русской речи,
и счастлив я, что капнул в сей флакон
ту каплю, что не долили предтечи.

120

Я столь же к женским чарам восприимчив,
но менее, чем раньше, предприимчив.

121

Очень часто нам от разных наших бед —
и обида в их числе, и поражение —
помогает своевременный обед,
возлияние и словоизвержение.

122

Уютно и славно живётся в курятнике;
что нужно мне? – стол и кровать;
порой к нам орлы залетают стервятники —
духовную плоть поклевать.

123

Я издаю стихи не даром
и вою их, взойдя на сцену,
своим актёрским гонораром

я им удваиваю цену.

124

Пускай любой поёт, как кочет,
учить желая и внушать,
но проклят будь, кто всеу хочет
нам нынче выпить помешать.

125

Нынче думал о России в полусне:
там весной везде кудрявятся берёзки,
а впитав тепло свободы по весне,
распускаются лихие отморозки.

126

Любое в мире текстов появление
таланта между гнили и мудил —
в такое меня вводит умиление,
как если б это я его родил.

127

О чём предупредить они стремятся?
Зачем уже который раз подряд
ушедшие друзья мне ночью снятся
и что-то непонятно говорят?

128

Любая дребедень и залепуха,
придуманная сочно и не бледно,
влетая в оттопыренное ухо,
уже не растворяется бесследно.

129

Рутины болотная ряска
взрывается вдруг и некстати,
но всякая нервная встряска —
полезна душе в результате.

130

Боюсь я, вот-вот прекратится
во мне клочкотание звука,
и там, где курлыкала птица,
поселится тёмная скука.

131

Смешно слегка для пишущего матом,
но очень ощущенья эти часты:
я чувствую себя аристократом
из некой не оформившейся касты.

132

Нет, судьба не лепится сама,

много в ней и лично моего:
смолоду не нажил я ума,
а состарясь – выжил из него.
133

Еврею строить на песке —
вполне удобно и привычно,
а что висит на волоске,
то долговременно обычно.
134

Когда я на прогулки пешие
внутри себя порой хожу,
то там такие бродят лешие,
что криком я себя бужу.
135



Согревши воду на огне,

когда придёшь домой,
не мой, красавица, при мне
и при других не мой.

136

Когда-нибудь люди посмотрят иначе
на всё, что мы видели рядом, —
текущее время намного богаче
доступного нынешним взглядам.

137

Ввиду гигиенических мотивов
любых я избегаю коллективов.

138

Есть и радость у старости чинной,
когда всё невозвратно ушло:
перестав притворяться мужчиной,
видишь лучше, как это смешно.

139

Мы часто принимаем за харизму
готовность всем на свете вставить клизму.

140

Никем, конечно, это не доказано,

однако, может чувство подтвердить:
умение терять интимно связано
с умением и даром находить.

141

Не часто судьба посылает нам вызов,
и смелость нужна для понятия,
что шанс на удачу высок или низок —
не важно для факта принятия.

142

Всё-таки сибирские морозы
вдули в меня лаской милицейской
гомеопатические дозы
тухлой осторожности житейской.

143

Когда бы человечеству приспичило,
а я как раз такое изобрёл,
душой бы воспарил я, как орёл,
и чтоб изобретение фурычило.

144

Ещё душа в мечтах и звуках,
и крепко мы ещё грешны,
а ген бурлит уже во внуках,

и внукам мы уже смешны.

145

Сексуальной игры виртуозы
весь их век до почтенных седин
увлечённо варьируют позы,
но итог – неизменно один.

146

Перемешай желток в белке,
и суть блеснёт сама:
в любом отпетом дураке —
полным-полно ума.

147

Жаль, не освоил я наук
и не достиг учёных званий,
а жил бы важно, как паук,
на паутине тонких знаний.

148

Мышления азартное безделье —
целительно для думающей личности:
всегда в удачной мысли есть веселье —
и даже в постижении трагичности.

149

Чем были яростней метели,
чем был надрывней ветра вой,
тем чаще я дремал в постели
и укрывался с головой.

150

По возрасту я вышел на вираж,
последний и не столь уже крутой,
хотел бы сохранить я свой кураж
до полного слиянья с темнотою.

151

По счастью, мы не полными калеками
из долгой темноты вошли в потёмки,
а в полном смысле слова человеками
уже, возможно, станут лишь потомки.

152

Ведя за миром наблюдение,
живу рассеянно и наспех,
великое произведение
создам я позже курам на смех.

153

В пространстве умозаключений,

где всюду – чистая страница,
такой простор для приключений,
что и реальности не снится.

154

Тупая и пожизненная страсть
отыскивать слова, ловя созвучия,
меня так истрепала и замучила,
что лучше бы умел я деньги красть.

155

У подряхления убогого
есть утешение лишь то,
что нет уже довольно многого,
но меньше хочется зато.

156



Стукнет час оборваться годам,
и вино моё будет допито,
а немедля, как дуба я дам,
и Пегас мой откинет копыта.

В синклит учёных я не вхож,
но видно мне без разъяснений:
еврейский гений с русским схож —
они цветут от утеснений.

Печальный и злокачественный случай,
зовущий собутыльников к терпению:
я мыслящий тростник, но не певучий,
а выпивка меня склоняет к пению.

Конечно, мы сгораем не дотла,
и что-то после нас ещё витает,
но времени суровая метла
и воздух беспощадно подметает.

Привычка думать головой —
одна из черт сугубо личных,
поскольку ум как таковой
у разных лиц – в местах различных.

Нет, я не наслажусь уже моментом,
когда не станет злобы воспалённой,
и выпьют людоед с интеллигентом,
и веточкой занюхают зелёной.

162

Со всеми слабостями нашими
душой мы выше в годы низкие,
а беззащитность и бесстрашие —
друзья и верные, и близкие.

163

Такие случаются дни
весеннего света и неги,
что даже трухлявые пни
пускают живые побег.

164

Моё существование двояко:
вкушаю дивной жизни благодать,
чтоб тут же с упоением маньяка
бумаге эту радость передать.

165

По лесу в тусклом настроении
я брёл, печалась о старении,

а меж белеющих берёз
вита́л рассеянный склероз.

166

С утра свободен завтра буду,
ещё запрусь на всякий случай,
и сладостно предамся блюду
словосмесительных созвучий.

167

Духом усохли, прибавились в теле
бывшие фавны, бывлые сатиры;
прежде – забавы, застолья, постели,
нынче – аптеки, врачи и сортиры.

168

Увы, жестока наша участь:
у века – злобы дух густой,
у денег – малость и текучесть,
у мыслей – вялость и застой.

169

В моей читательской игре —
пустые траты,
но вдруг на мёртвом пустыре —
цветок цитаты.

С эпохой долгое соседство
мне по крупинке нанесло
всё, что оставлю я в наследство —
моё там только ремесло.

171

Нет, я не изменяюсь, не расту,
живу себе ни шатко и ни валко,
но видно и слепому за версту,
что я не улучшаюсь, – вот ведь жалко.

172

Текла, кипела и сочилась
моя судьба – то гнев, то нежность;
со мною всё уже случилось,
осталась только неизбежность.

173

Может, мы и неприятней
основного населения,
но хула Творцу занятней,
чем корыстные моления.

174

Моё пространство жизни сужено,
о чём печалюсь я не очень:
ведь мы всегда во время ужина
уже вполне готовы к ночи.

175

В небо глядя, чтоб развеяться,
я подумал нынче вечером:
если не на что надеяться,
то бояться тоже нечего.

176

Много книжек я в жизни прочёл,
и печаль мою каждый поймёт:
мы гораздо бездарнее пчёл —
я лишь горечь собрал, а не мёд.

177

Все плоды святого вдохновения —
илистое дно реки забвения.

178

Весь мир вокруг уже иной,
у нас – эпоха провожаний,
а бедный стих, зачатый мной,
утонет в море подражаний.

Не тот мужчина, кто скулит,
что стал постыдный инвалид,
а тот мужчина, кто ни звука
о том, какая это мука.

180

Когда впадаешь в созерцание
любых камней, извечно местных,
душе является мерцание
каких-то смыслов бессловесных.

181

Бродя по жизненным аллеям,
со вкусом я на свете пожил,
полит был дёгтем и елеем
и сам гавно метал я тоже.

182

Боюсь давно уже заранее
и разобрался в сути я:
мне вязкий ужас умирания
страшней, чем страх небытия.

183

На стыке пошлости и свинства
сочней кудрявится единство.

184

Навряд ли буду удостоен
я с бодрым будущим свидания —
мой стих на жалости настоян
и на печали сострадания.

185



Как робко это существо!
Он тихий, вдумчивый и грустный.
Но гложет жизни вещество,
как ест червяк листок капустный.

186

Когда-то были темой споров —
свобода, равенство и братство,

сегодня стержень разговоров —
погода, празднество и блядство.
187

Прости, жена, прощайте, дети,
мы с вами встретимся потом,
я вас любил на этом свете,
рад буду свидеться на том.
188

Я за удачное словцо,
печалям жизни гармоничное,
готов пожертвовать яйцо —
но разумеется, не личное.
189

Во всех земных иллюзиях изверясь,
я в полной пустоте себя застал;
явись какая дерзостная ересь,
я с радостью фанатиком бы стал.
190

Езжу по миру и смехом торгую —
словно купец при незримом товаре;
сам я сыскал себе долю такую,
редкую даже для мыслящей твари.

Какая бы и где ни тлела смута,
раздоры и кровавая охота,
настолько это выгодно кому-то,
что пламя раздувают эти кто-то.

192

Если жизнь безупречно отлажена
и минует любое ненастье,
непременно объявится скважина,
сквозь которую вытекло счастье.

193

Нам жажда свойственна густая —
с толпою слиться заодно,
а стадо это или стая,
понять не сразу нам дано.

194

Вчера ко мне забрёл ходячий бред
и жарко бормотал про вред безверия,
на что я возражал, что главный вред
растёт из темноты и лицемерия.

195

Дряхлением не слишком озабочен,
живу без вздохов и стонаний,
чердак мой обветшалый стал непрочен
и сыпется труха воспоминаний.

196

Воздержаны в сужденьях старики,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.